

Старостина Е.В.

**ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ
АБСТРАКТНОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО[©]**

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Россия, Саратов, sev79@list.ru*

Аннотация. Исследование посвящено описанию особенностей строения ассоциативного поля абстрактного имени существительного на фоне строения поля предметного имени существительного и полей других частей речи. Объектом изучения являются ассоциативные поля абстрактных существительных русского языка (названий эмоций и слов лексико-семантической группы «Соответствие правилам морали, нравственным нормам»). Предметом – специфика строения ассоциативных полей, стимулами в которых выступают абстрактные существительные. Цель работы – описание структуры и содержания исследуемых русскоязычных ассоциативных полей. Материалом исследования послужил ассоциативный словарь РАС и результаты свободных ассоциативных экспериментов с носителями русского языка в возрасте 17–25 лет. Изучение ассоциативных связей абстрактных имен существительных позволило выделить в структуре исследуемых ассоциативных полей шесть обязательных и три факультативных слота.

Ключевые слова: ассоциативное поле; вербальные ассоциации; ассоциативный словарь; абстрактное существительное; строение поля.

Поступила: 16.04.2024

Принята к печати: 10.01.2025

Starostina E.V.

**Features of the structure of the associative field
of an abstract noun[©]**

*Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,
Russia, Saratov, sev79@list.ru*

Abstract. This paper looks into the structural features of the associative field of an abstract noun, which are constructed to the structure of the associative field of an objective noun and the associative fields of other parts of speech. The object of the study is the associative fields of the names of emotions and words of the lexical-semantic group “Compliance with moral rules, moral standards.” The subject of the study is the specific structure of the associative fields of abstract nouns. The purpose of the work is to describe the features of the associative response of our subjects to these stimuli, as well as to determine how this affects the structure and the content of the associative field. The research material includes the associative dictionary and the findings of the association experiments with Russian native speakers aged 17 to 25. The study of associative connections of abstract nouns made it possible to identify six mandatory and three optional slots in the structure of these associative fields.

Keywords: associative field; verbal associations; associative dictionary; abstract noun; field structure.

Received: 16.04.2024

Accepted: 10.01.2025

Введение

Можно считать доказанным тот факт, что принадлежность слова-стимула к определенной семантической группе в высокой степени определяет специфику структуры его ассоциативного поля, то есть существует определенная схема строения ассоциативного поля, характерная для некоторой группы стимулов [Гольдин, 2020; Шапошникова, 2022; Бушуева, 2017; Трещева, 2014; Старостина, 2006]. Выявляется устойчивая тенденция наличия у слов-стимулов одной семантической группы сходного строения ассоциативных полей, поскольку такое строение имеют, например, поля, стимулами в которых выступают глаголы поведения [Старостина, 2006], имена поступков [Бушуева, 2017], имена событий [Трещева, 2014]. Как показывают исследования В.Е. Гольдина, сходную структуру могут иметь поля не только слов-стимулов одной семантической группы,

но и одного лексико-грамматического разряда и одной части речи (например, предметные имена существительные) [Гольдин, 2020].

Проблема зависимости структуры поля от принадлежности стимула к определенной части речи и лексико-грамматическому разряду

В работах Ю.Н. Карапурова, А.А. Залевской, Н.И. Кургановой и др. представителей московской и тверской психолингвистических школ представлены примеры описания структуры ассоциативных полей при помощи анализа смысловых связей между словом-стимулом и ассоциативной реакцией, для обозначения выявленной структуры поля вводится термин «семантический гештальт» [Карапуров, 2015; Залевская, 2018; Курганова, 2019]. Как считает В.Е. Гольдин, задача установления соответствия между отраженными в строении ассоциативных полей направлениями реагирования и семантическими классами слов-стимулов, с одной стороны, сходна с конструированием «семантических гештальтов» (Ю.Н. Карапуров) этих полей, поскольку она решается группировкой реакций и созданием обобщающей модели; с другой же стороны, решение направлено не на выявление семантической специфики тех или иных полей, а, напротив, на отвлечение от их индивидуальных характеристик, на обнаружение моделей реагирования, общих для семантического класса стимулов, и в этом смысле она имеет противоположную направленность [Гольдин, 2020, с. 86–87].

Многочисленные исследования В.Е. Гольдина, посвященные анализу полей разных частей речи, позволили исследователю прийти к выводу о том, что «структура содержания ассоциативного поля находится в существенной зависимости от того, относится слово-стимул к лексике с предметным или с признаковым значением <...>. Стимулы предметного, или идентифицирующего, характера порождают поля, наиболее богатые ассоциативными связями разнообразной направленности, содержат значительное количество тематических реакций, выделяют типовые ситуации и многочисленные компоненты этих ситуаций, тогда как вокруг слов-стимулов характеризующего характера, прежде всего глаголов, прилагательных и наречий, обнаруживаются поля более простой организации, с меньшим разнообразием ассоциативных направлений, с большей зависимостью от характерных для этих слов позиций

в структуре предложений и от связанных с ними комплексов семантических ролей» [Гольдин, 2020, с. 17].

И.В. Шапошникова также отмечает, что существительные лидируют в формировании узлов ассоциативно-вербальной сети, поскольку не имеют каких-либо ограничений на ассоциирование [Шапошникова, 2022, с. 270]. Действительно, поле стимула-глагола имеет не такую сложную структуру, как поле стимула-существительного. Например, структура поля глагола поведения включает всего пять обязательных слотов (групп реакций): «субъект поведения», «объект поведения», «именование поведения», «характеристика поступка, поведения или субъекта поведения», «общая оценка» и несколько факультативных («время», «место», «следствия поведения» и др.) [Старостина, 2006]; поля глаголов ментального действия *думать* и *мыслить* также состоят из пяти слотов: «субъект», «объект», «каузатор действия», «характер осуществления действия», «результат» [Трещева, 2014].

Если говорить о полях стимулов – прилагательных и наречий, то они имеют еще более простую структуру по сравнению с полями существительных и глаголов, поскольку испытуемые в большей степени ограничены в выборе возможных вариантов реагирования. В.Е. Гольдин объясняет подобное положение дел следующим образом: «...стимулы, представляющие собой слова в косвенной форме (*человеку, пришла* и под.), служебные слова, а также такие другие единицы, которые в обычной речи чаще всего не образуют самостоятельных высказываний (например, прилагательные, наречия), воспринимаются в основном либо как неполные высказывания, которые необходимо дополнить грамматически и семантически связанными с ними единицами, либо как члены парадигм, к которым следует подобрать другие члены тех же семантико-грамматических парадигм» [Гольдин, 2020, с. 69]. Пример, который приводит исследователь, – это реакции на стимул *долгий* в Русском ассоциативном словаре школьников (АСШС), которые делятся на две группы: существительные, сочетающиеся с данным прилагательным (*путь, день, вечер, урок, сон, дождь, процесс, разговор*), и прилагательные-симиляры или прилагательные-оппозиты (*длинный, быстрый, медленный, вечный, длительный, короткий, замедленный* и др.).

В работе Е.Г. Трещевой приводятся аналогичные примеры структуры ассоциативных полей качественных прилагательных. Как отмечает исследователь, для них также обязательно наличие слота «определяемый субъект» (*жадный* → *человек, мальчик, кот*,

пацан (АСШС), *пес, продавец* (РАС); *скупой* → *старик, мужик, хозяин* (АСШС), *человек, богач, король* (РАС)), слота «оппозиты» (щедрый – АСШС, РАС) и слота «сопутствующее качество» (богатый, толстый, хитрый, одинокий (АСШС), богатый, толстый, крепкий, умный (РАС); бедный, богатый, горбатый, худой (АСШС), богатый, толстый (РАС)) [Трещева, 2014, с. 217].

Можно заметить, что поля стимулов-прилагательных обычно содержат реакции-существительные, синтаксически связанные с прилагательным. При этом поля относительных прилагательных «беднее», чем поля качественных прилагательных, то есть в них выделяется меньше различных групп реакций (слотов), что связано с их частеречными характеристиками (у них нет кратких форм, степеней сравнения, они реже входят в синонимические и антонимические ряды). Например, если мы обратимся к полю лексемы *школьный* (РАС), то увидим, что из 43 разных реакций всего четыре не являются существительными, при этом все они единичны. Все частотные реакции на стимул *школьный* – это реакции-существительные, которые сочетаются с данным прилагательным: *учитель, друг, товарищ, звонок, портфель, двор, урок, предмет, учебник, вальс, вечер, дневник, парты, пенал*.

В отличие от стимулов *долгий* или *жадный*, стимул *школьный* не дает испытуемому возможности отреагировать прилагательным-симиляром или оппозитом, поскольку слово *школьный* не входит ни в один из антонимических или синонимических рядов. Дело в том, что если у слова-стимула есть антоним или синоним, то он обязательно будет присутствовать в ассоциативном поле, причем такая реакция, скорее всего, будет частотной (то есть сходным образом прореагируют несколько испытуемых). Как отмечает В.Е. Гольдин, в некоторых случаях испытуемый выбирает такую стратегию реагирования как приоритетную, например, пытается найти для всех стимулов в анкете синонимы (а при их отсутствии симиляры), либо пытается отреагировать антонимом или оппозитом, например, *теплый – холодный, добрый – злой, жить – не жить, его – мое, цветок – не цветок, вчера – сегодня, стол – стул, папа – мама, рука – нога* [Гольдин, 2020].

Поле наречия, как и поле прилагательного, имеет простую структуру. Чаще всего на стимул-наречие испытуемый реагирует либо глаголом, сочетающимся с данным наречием, либо другим наречием, семантически связанным со стимулом. Приведем примеры из АСШС, которые дает В.Е. Гольдин: *кувырком – упасть,*

падать, лететь, упал, катиться и кувырком – кубарем, вверх ногами; полностью – взять, доверять, доделать и полностью – целиком, до конца, совсем [Гольдин, 2020].

В некоторых случаях на наречие могут быть даны и другие типы реакций. Так, стимул *долго* (PAC), как и другие наречия, способен вызывать реакции упомянутых выше двух типов: реакции-глаголы типа *ждать, жить, думать, идти, длиться*, отражающие регулярную сочетаемость, и реакции-наречия типа *нудно, бесполезно, длительно, медленно* (реакции-симиляры) или типа *близко, быстро, скоро* (реакции-оппозиты). Можно, однако, выделить также группу прецедентных реакций: *коротко, ли* (долго ли, коротко ли), *дорога в дюнах* (долгая дорога в дюнах); и даже реакции-существительные (то, что может длиться долго или быть долгим): *дорога, время, век, день, река, уроки*. Помимо этого, поскольку «долго» может выступать как часть сложного слова, данный стимул вызывает реакции *играющий, житель* (долгоиграющий, долгожитель).

Изучение особенностей строения ассоциативных полей разных частей речи (в том числе прилагательных и наречий) может дать исследователю некоторую информацию о картине мира того иного языка и об особенностях национального языкового сознания. Как полагает В.Е. Гольдин, слова-стимулы любой части речи (в том числе прилагательные, наречия, и даже местоимения и служебные части речи) могут порождать реакции, отсылающие к компонентам типичных ситуаций или событий, и, соответственно, мы можем получить информацию об особенностях языкового сознания носителей того или иного языка. Например, реакции на стимул *большой* могут дать нам информацию о «именах эталонов ментальной и речевой ситуации оценки», присутствующих в русском языковом сознании – *дом, человек, слон* [Гольдин, 2020, с. 121].

Таким образом, исходя из положения о том, что, с одной стороны, ассоциативные поля лексем разных частей речи и лексико-семантических групп имеют различное строение, а с другой стороны, поля лексем одной и той же части речи или лексико-семантической группы имеют в строении множество сходных черт, в настоящем исследовании мы попытаемся выявить особенности строения ассоциативного поля абстрактного существительного. При этом мы будем опираться на уже описанную В.Е. Гольдиным структуру ассоциативного поля предметного существительного [Гольдин, 2020], пытаясь выявить специфику в строении ассоциативных полей, стимулами в которых выступают абстрактные существительные.

Особенности строения поля конкретного и абстрактного имени существительного

Как показывают исследования, характер ассоциативных реакций может существенно зависеть от типа стимула-существительного [Гольдин, 2020; Шапошникова, 2022; Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023]. В.Е. Гольдин отмечает, что типы ассоциативных связей стимулов-существительных находятся в зависимости от семантических типов этих существительных: выявляются различия между строением полей имен с предметным значением и имен с характеризующим значением [Гольдин, 2020, с. 75].

Схема строения поля предметного имени существительного разработана В.Е. Гольдиным, который полагает, что в ассоциативном поле выделяется десять слотов (групп реакций), некоторые из которых имеют также подслоты (подгруппы): «ситуации с участием стимула»; «предметно-логические связи стимула» (включает четыре подслота); «меронимы стимула», «хронотоп» (типичное время и типичное место), «аксессуары стимула»; «качества, оценки стимула» (включает разные виды оценок); «действия, состояния, деятельность»; «связь стимула с человеком» (включает шесть подслотов); «реевый аспект стимула» (включает восемь подслотов), «символическое использование стимула» [Гольдин, 2020, с. 79–80].

Существуют также работы, в которых описаны особенности строения ассоциативного поля абстрактного имени существительного (см., например, [Pulvermüller, 2013]). Так, И.В. Шапошникова замечает, что «по свидетельству некоторых авторов, восприятие конкретных имен в большей мере опирается на визуальные характеристики, абстрактным требуется активация лингвистических и контекстуальных ресурсов, механизмов семантической селекции и интеграции наличных в контекстуально-ситуативном окружении средств» [Шапошникова, 2022, с. 278], следовательно, мы можем предположить, что эти различия проявятся и в ассоциативных полях данных стимулов (конкретных и абстрактных имен).

В работе В.Д. Соловьева, Ю.А. Вольской и Р.Б. Ахтямова, которая посвящена сопоставительному изучению ассоциативных полей конкретных и абстрактных существительных, отмечается, что данные типы имен имеют разное количество семантических ассоциаций, при этом целый ряд современных исследований подтверждают некоторые положения этой теории [Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023]. Например, исследования показывают, что

для абстрактных слов сложнее подобрать соответствующий контекст [Naumann, Frassinelli, Schulte im Walde, 2018]. Исследователи приходят к выводу, что конкретные лексемы обладают более сильными ассоциативными связями, но с меньшим количеством контекстов, а абстрактные лексемы, напротив, имеют более слабые ассоциативные связи, но с большим количеством контекстов [Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023].

Изучение ассоциативных реакций РАС на лексемы с высокой степенью абстрактности и высокой степенью конкретности позволило В.Д. Соловьеву и его соавторам выявить, что конкретные существительные (КС) действительно имеют более сильные ассоциации, чем абстрактные существительные (АС) [Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023]. Исследователи делают множество других интересных выводов, касающихся особенностей ассоциативного реагирования на конкретные и абстрактные существительные. Следует, однако, отметить, что они не ставят перед собой задачи создать схему строения ассоциативного поля абстрактного существительного, отличную от схемы строения ассоциативного поля конкретного существительного. Кроме того, ими рассматриваются не все реакции поля, а только наиболее частотные. Таким образом, особенности строения ассоциативного поля абстрактного существительного в целом еще не описаны.

Методика исследования

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей строения ассоциативного поля абстрактного имени существительного на фоне данных результатов исследования полей предметного имени существительного и других частей речи. Изучая особенности строения полей абстрактных имен существительных, описывая типы связей между стимулом и реакцией, мы выявляем структуру ассоциативного поля абстрактного существительного.

Материалом исследования послужили данные РАС (поля «грусть» – 106 реакций, «тоска» – 105 реакций, «печаль» – 114 реакций) и результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с 194 носителями русского языка 17–25 лет (поля «правда», «честь», «человеколюбие», «целомудрие», «достоинство», «патриотизм», «миролюбие», «гуманизм», «добро», «совесть», «человечность» и «милосердие» – по 194 реакции).

Эксперимент проводился в 2023 г. со студентами Саратовского государственного университета в письменно-письменной форме, в анкете присутствовал 31 стимул, из них 12 были объектом исследования, остальные стимулы были фоновыми, на каждый из стимулов было получено по 194 реакции. Общий объем исследованного материала составил 15 ассоциативных полей, 2653 реакции. При обработке результатов ассоциативных экспериментов мы принимали во внимание тот факт, что со времени сбора материала для РАС прошло уже более 30 лет, и за эти годы в языковом сознании носителей русского языка могли произойти некоторые изменения. Тем не менее, как показали наши предыдущие исследования, посвященные изучению динамики русского языкового сознания на ассоциативном материале, эти изменения не касаются самой структуры поля, она не меняется, различаются лишь наполнение слотов конкретными реакциями и доля реакций каждого слота по отношению к общему числу реакций [Старостина, Шапошникова 2023].

Структура строения ассоциативного поля абстрактного имени существительного

В настоящем исследовании предпринимается попытка описать структуру строения ассоциативного поля абстрактного существительного на примере ассоциативных полей синонимичных названий эмоций («грусть», «тоска» и «печаль») и слов лексико-семантической группы «Соответствие правилам морали, нравственным нормам» («правда», «честь», «человеколюбие», «целомудрие», «достоинство», «патриотизм», «миролюбие», «гуманизм», «добро», «совесть», «человечность», «милосердие»).

Первый слот в структуре ассоциативного поля предметного имени существительного – это «Ситуации с участием стимула». Как показал наш анализ, далеко не все поля абстрактных стимулов содержат реакции, отсылающие к ситуации, а если и содержат, то небольшое количество, причем зачастую эти реакции единичны. Так, из рассмотренных нами полей названий эмоций только поле «грусть» содержит реакцию *отъезд из дома*, которую можно рассматривать как отсылку к некой ситуации. Во второй группе полей такие реакции присутствуют только в трех полях из десяти: *гуманизм – волонтерство, суд; человечность – благотворительность, пощада; милосердие – волонтерство, пощада*. Поля же предметных

существительных достаточно часто содержат отсылки к ситуации, связанной со стимулом, например, *цветок – свидание, День рождения; мел – урок; фамилия – знакомство, замужество, проверка* (примеры В.Е. Гольдина). Можно предположить, что для испытуемого, который дает реакции на абстрактное существительное, отсылка к ситуации не так важна, данное направление реагирования можно считать факультативным.

Изучая реакции группы «Предметно-логические связи стимула», мы пришли к выводу, что испытуемые практически никогда не дают на рассматриваемые нами стимулы реакции – суперординаты и субординаты (хотя такие «классифицирующие» реакции теоретически возможны, например, *грусть – чувство, эмоция*). Как отмечает В.Е. Гольдин, такие реакции будут частотными и не для всех предметных существительных. Так, если в ассоциативных полях названий животных, растений, одежды и др. реакции-гиперонимы оказываются одними из самых частотных, то стимулы группы «наименования лиц по профессии» существенно реже вызывают реакции-гиперонимы типа «*профессия*» [Гольдин, 2020, с. 73].

При этом в нашем материале широко представлены реакции-согипонимы, называющие явления того же рода, что и стимул, например: *тоска – грусть 5, скуча 3, печаль 2, ностальгия 1, хандра 1; честь – верность 2, гордость 4, доблесть 5, достоинства 1, мужество 2, отвага 12, смелость 2, справедливость 1, стойкость, защита 1, храбрость 1*. Во многих случаях данная группа реакций является одной из самых объемных в поле. Хотелось бы также отметить, что данные реакции могут быть одновременно и синонимичны стимулу, поэтому не всегда удается четко разграничить предметно-логические и собственно речевые связи (некоторые реакции могут быть отнесены сразу к нескольким группам). Например, реакции *грусть 5, скуча 3, печаль 2, ностальгия 1, хандра 1* одновременно могут являться и синонимами слова «*тоска*». Кроме того, те же лексемы могут выступать и как элементы толкования слова-стимула, поскольку для толковых словарей частотным является толкование через близкие понятия.

Большинство из рассмотренных нами полей содержат также и реакции с противоположным значением, например, *печаль – радость 2, смех 2, улыбка; правда – ложь 73, кривда 4, неправда 3*. Следовательно, предметно-логические связи абстрактного стимула представлены в основном реакциями-согипонимами и реакциями с противоположным значением.

По вполне понятным причинам в поле абстрактного существительного не представлены реакции-меронимы (в отличие от предмета абстрактное понятие трудно разложить на части), но представлены, хоть и в небольшом количестве, реакции группы «Хронотоп», описывающие типичное место и время, ассоциируемое со стимулом. Например, *тоска* – *учеба, тюрьма, в институте, дом, никогда*; *целомудрие* – *монастырь, церковь, век, прошлое, старина, ста-рость*. По мнению В.Е. Гольдина, хронотоп (время и место) является одной из главных характеристик фрагментов окружающего мира, и это находит отражение в структуре ассоциативных полей практически всех стимулов, являющихся предметными существительными [Гольдин, 2020]. По-видимому, хронотоп является достаточно универсальной характеристикой ассоциативного поля любого имени существительного, не только предметного, но и абстрактного.

В поле предметного существительного выделяется такая группа реакций, как «Аксессуары S (сопутствующие S предметы в типичных ситуациях)». Говоря о любом абстрактном понятии, мы конечно же вряд ли скажем, что у него есть «аксессуары», но в поле абстрактного существительного выделяется похожая группа реакций, которую можно назвать «Сопутствующие S предметы и явления в типичных ситуациях»: *грусть – дождь 4, одиночество 2, слеза, слезы, усталость, пустота, разлука, размышление, неудача, без-делье; честь – пилотка, погоны, Россия, русская литература, шинель*.

Особый интерес вызывают реакции группы «Качества и оценки», поскольку здесь мы можем наблюдать существенную разницу между предметным и абстрактным существительными. Разница в характере синтагматических связей ассоциативных полей абстрактных и конкретных существительных подчеркнута и в работе В.Д. Соловьева и соавторов. Как показывает данное исследование, реакции-прилагательные на стимул-КС описывают качества предмета, названного стимулом, а в случае с АС «абстрактное понятие наделяется физическим признаком посредством образования нового метафорического значения прилагательного», например, *фантазия – богатая* (6); *судьба – горькая* (6); *волнение – бур-ное* (2); *отчаяние – горькое* (3) и др. [Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023, с. 164]. Кроме того, среди качественных прилагательных как реакций к АС встречаются прилагательные со значением «интенсивность проявления названного явления»: например, реакция *большой(ая / ое)* дается на стимулы *фантазия, ненависть, счастье, волнение, чудо, глупость, грех, перспектива, мир, удача*. Та же са-

мая ассоциация *большой(ая / ое)* как реакция на КС имеет уже значение «характеристика предмета по размеру» [Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023, с. 164].

Таким образом, если для конкретных существительных характерны оценки параметрического характера или оценки по материалу, форме, цвету, то для абстрактных существительных такой тип характеристики не актуален. Эти различия хорошо видны на примере ассоциативных полей названий эмоций. Например, цветовые реакции на стимул *тоска* в РАС (*зеленая 18, черная 3, серость 1, серая стена 1, зелена 1, мутная 1*) уже не являются цветовыми характеристиками стимула, а подчеркивают томительность, невыносимость тоски. На стимул *грусть* испытуемые в РАС дают также реакции *большая 2, легкая 2, сильная 1, трудная 1, тяжелая 1*; на стимул *печаль* – реакции *глубокая 3, огромная 2, сильная 2, большая 1, тяжела 1, полная 1*. Данные реакции уже не являются параметрическими оценками существительного (оценками по весу, размеру и т.п.), они подчеркивают степень проявления грусти и печали, поскольку семантика эмоциональных лексем принципиально градуальна.

В работе [Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023] отмечается также, что среди реакций на АС встречаются такие, которые дают сугубо субъективную оценку названному денотату: *свобода – желанная 2, любопытство – неприличное 2; мысль – глупая 2, умная 6* и др. В нашем материале присутствуют подобные оценочные реакции, например, *тоска – смертная 2, ужасная 2, горькая, дьявольская, злобная, томительная, неодолимая, нудная, такая что; грусть – ужасна, ужасная, неземная, несусветная, угнетающая, томная; печаль – горькая 2, грустна 2, невыносимая, невыразимая, неземная, нескончаемая, душевная, беспросветная*.

Можно ли утверждать, что такого рода реакции дают денотату «сугубо субъективную оценку»? Дело в том, что разграничить субъективную и объективную оценку не всегда легко, некоторые исследователи отмечают, что в оценке всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным [Фомина, 2007, с. 157]. Как нам представляется, с одной стороны, любая оценочная реакция является субъективной, поскольку оценку стимулу дает конкретный участник эксперимента, с другой стороны, такая оценочная реакция всегда содержит элемент объективности, поскольку многие явления действительности могут оцениваться

носителями языка либо в основном положительно (например, свобода), либо в основном отрицательно (например, тоска).

В.Е. Гольдин полагает, что оценочные реакции могут быть обнаружены во всех ассоциативных полях предметных существительных, но их типы могут быть разными: эстетические, параметрические, прагматические, эмоциональные, морально-этические и др. [Гольдин, 2020]. Как показывает выполненный нами анализ ассоциативных полей абстрактных существительных, эмоциональные оценочные реакции могут быть характерны для них так же, как и для полей предметных существительных. При этом основной спецификой группы оценочных реакций является то, что прилагательные, обозначающие качества и характеристики предмета по внешним, физическим параметрам (цвет, размер, форма, вкус, вес и т.д.), в поле абстрактного существительного характеризуют нечто иное, например, степень интенсивности проявления данного явления.

Группа реакций «Действие, состояние, деятельность» обнаруживается не во всех рассмотренных нами полях и во всех случаях представлена небольшим количеством реакций (например, *правда – должна быть высказана, не существует; совесть – есть 2, нет 3, отсутствие 3, потеряна, пропала, сидит в голове*), что позволяет нам предположить, что данная связь носит необязательный характер.

Как и в поле предметного существительного, в поле абстрактного существительного широко представлены реакции группы «Связь стимула с человеком». Это и лица, функционально связанные с S (достоинство – мужчина 3, личность 2, аристократ, девушка в наряде эпохи 19 века, женщина, рыцарь, человек), и реакции, описывающие принадлежность стимула какому-то лицу (грусть – моя 2, у меня). В рассмотренных нами полях не встретилось, однако, реакций, описывающих использование S человеком и называющих артефакты, функционально ориентированные на S, что опять же легко можно объяснить абстрактным характером стимула.

При этом в ассоциативных данных представлены глагольные реакции, описывающие как действие человека на S, так и действие S на человека, поскольку зачастую абстрактным понятиям приписываются свойства живого субъекта (например, тоска – берёт 2, взяла, гложет, загрызла, заела, съедает, замучила, пришла; печаль – гнать, подавить, прогнать, пришла 2, прошла 2, заела, лежит, пронзила, прошла быстро, уходит, меня посетила).

В поле абстрактного существительного присутствуют реакции, отражающие речевой аспект восприятия стимула испытуе-

мыми, однако не все подгруппы, выделенные В.Е. Гольдиным в данной группе реакций, нашли отражение в изученных нами полях: так, по вполне понятным причинам не выделяются реакции, называющие индивидуальное (собственное) имя S (у абстрактного понятия не может быть имени собственного, на предметные существительные могут даваться реакции этого типа: *памятник* – *Орленок*); реакции, демонстрирующие метафорическое использование слова-стимула (для предметных существительных такие реакции вполне возможны: *наук* – *человек, злодей, мафия*); не обнаружено реакций, дающих метаязыковую характеристику слова-стимула (в полях предметных существительных встречаются реакции такого типа, например, *деталь* – *существительное*).

С другой стороны, широко представлены реакции других подгрупп: реакции-синонимы (*целомудрие* – *девственность* 12, *невинность* 5, *непорочность* 1); формулы, прецедентные тексты со словом-стимулом (*печаль* – *моя светла* 3, *моя полна тобою*; *честь* – *«Капитанская дочка»* Пушкина, *Капитанская дочка* 3, *береги смолоду, береги честь смолоду, гордость и предубеждение, и достоинство* 2, *имею* 3 и др.); слова, словоформы, близкие по звучанию слову-стимулу (*честь* – *месть* 5, *не счесть*); наука о S (*гуманизм* – *обществознание* 2, *педагогика, философия* 3, *этика*); толкование стимула (*патриотизм* – *любовь к родине* 2; *любовь к стране*; *любовь к тому, что дорого*).

Реакции группы «Символическое использование S» в нашем материале не представлены, поскольку для абстрактного существительного, по-видимому, не характерно его использование в качестве символа чего-либо. В качестве символа обычно используются конкретные существительные, например, *голубь* – символ мира, *роза* – символ любви. Но вряд ли можно привести аналогичные примеры для абстрактного существительного: *тоска* – это символ (?), *мудрость* – это символ (?).

Важно также отметить, что в некоторых случаях возникает необходимость добавить в выявленную нами структуру поля новые группы реакций, что связано с особенностями сочетаемостных характеристик той или иной группы стимулов. Так, для группы стимулов-эмоций выделен отдельный слот «*объект*», в который вошли реакции, называющие того, о ком или о чем можно печалиться, по кому можно грустить или тосковать: *печаль* – *о друге, о потере, о прошлом; грусть* – *по дому, по другу, по женщине, по любимой; тоска* – *по дому* 12, *по Родине* 8, *по душе, по кино, по любви*,

по правде, по родным, по девушки, по другу, о доме. В группе по-лой, стимулами которых являются лексемы, называющие соответствие нормам морали, такой слот не выделяется.

Заключение

Как показало наше исследование, структура ассоциативного поля имени существительного, называющего эмоции или относящегося к группе «Соответствие правилам морали, нравственным нормам»), включает следующие структурные составляющие (слоты):

1. Предметно-логические связи S:
 - 1.1. явления того же рода, что и S;
 - 1.2. противоположности, антиподы S.
 2. Хронотоп (типичное место и время).
 3. Сопутствующие S предметы и явления в типичных ситуациях.
 4. Качества, оценки S:
 - 4.1. параметрические;
 - 4.2. эмоциональные.
 5. Связь S с человеком:
 - 5.1. лица, функционально связанные с S;
 - 5.2. принадлежность лицу;
 - 5.3. действие человека на S;
 - 5.4. действие S на человека.
 6. Речевой аспект S:
 - 6.1. синонимы слова-стимула;
 - 6.2. формулы, прецедентные тексты со словом-стимулом или с S;
 - 6.3. слова, словоформы, близкие по звучанию слову-стимулу;
 - 6.4. наука о S;
 - 6.5. толкование стимула.
- Факультативные слоты:
1. Ситуации с участием S.
 2. Действия, состояния, деятельность.
 3. Объект S.

Список литературы

- Бушиева Л.А.* Фрейм поступка: инвариантная модель и варианты ее реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 2(70). – С. 173–178.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартынов А.О.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. – 500 с.
- Гольдин В.Е.* Языковое сознание. Речевая коммуникация : избранные работы / сост. О.Ю. Крючкова, А.П. Сдобнова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2020. – 496 с.
- Залевская А.А.* Вопросы естественного семиозиса : монография. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. – 160 с.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 14–35.
- Курганова Н.И.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3(41). – С. 24–37.
- Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Москва : АСТ–Астрель, 2002. – Т.1. От реакции к стимулу. – 784 с.
- Соловьев В.Д., Вольская Ю.А., Ахтюмов Р.Б.* Спектр ассоциаций к русским абстрактным и конкретным существительным // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 153–173.
- Старостина Е.В.* Исследование русских глаголов поведения на материале ассоциаций // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / ред. Е.Ф. Тарасов. – Калуга : ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»), 2006. – С. 286–287.
- Старостина Е.В., Шапошникова Д.К.* Языковое сознание и ассоциативное значение слова: динамический аспект // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : сб. статей. – Москва: РИТМ, 2023. – С. 58–66.
- Треццева Е.Г.* Ассоциативные свойства близких по значению слов как отражение системности лексикона // Слово и текст: психолингвистический подход. – 2014. – № 14. – С. 216–219.
- Фомина Ю.А.* Аспекты изучения языковой оценки // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 154–161.
- Шапошникова И.В.* Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 268–284.
- Naumann D., Frassinelli D., Schulte im Walde S.* Quantitative semantic variation in the contexts of concrete and abstract words // Proceedings of the Seventh Joint Conference on Lexical and Computational Semantics. – 2018. – P. 76–85. DOI: 10.18653/v1/S18-2008
- Pulvermüller F.* How neurons make meaning: brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics // Trends in Cognitive Sciences. – 2013. – N 17. – P. 458–470. DOI: 10.1016/j.tics.2013.06.004

References

- Bushueva, L.A. (2017). Frejm postupka: invariantnaja model' i varianty ee realizatsii. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(70), 173–178.
- Goldin, V.E., Sdobnova, A.P., Mart'janov, A.O. (2011) *Russkij assotsiativnyj slovar': assotsiativnye reaktsii shkol'nikov I–XI klassov*: v 2 t. Saratov: Izd-vo Sarat. Un-ta.
- Goldin, V.E. (2020). *Jazykovoe soznanie. Rechevaja kommunikatsija: izbrannye raboty*. Saratov: Izd-vo Sarat. Un-ta.
- Zalevskaja, A.A. (2018). *Voprosy jestestvennogo semiozisa: monografija*. Tver': Tver-skoj gos. un-t.
- Karaulov, Yu.N. (2015). Assotsiativnyj analiz: novyj podhod k interpretatsii hudozhest-vennogo teksta. *Voprosy psiholingvistiki*, 25, 14–35.
- Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimceva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (eds.). (2002). *Russkij assotsiativnyj slovar'*: v 2 t. T 1. *Ot reaktsii k stimulu*. Moscow: AST-Astrel.
- Kurganova, N.I. (2019). Assotsiativnyj eksperiment kak metod issledovaniya znachenija zhivogo slova. *Voprosy psiholingvistiki*, 3(41), 24–37.
- Soloviev, V.D., Volskaja, Yu.A., Ahtjamov, R.B. (2023). Spektr assotsiatsij k russkim abstraktnym i konkretnym sushchestvitel'nym. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teore-ticheskoy i prikladnoj lingvistiki*, 9(1), 153–173.
- Starostina, E.V. (2006). Issledovaniye russkih glagolov povedenija na materiale assotsiatsij. In *Rechevaja dejatelnost'. Jazykovoe soznanie. Obshchajushchiesia lich-nosti* (pp. 286–287). Kaluga: Ejdos.
- Starostina, E.V., Shaposhnikova, D.K. (2023). Jazykovoe soznanije i assotsiativnoje znachenije slova: dinamicheskij aspekt. In *Znachenije kak fenomen aktual'nogo jazykovogo soznanija nositela jazyka* (pp. 58–66). Moscow: Ritm.
- Trescheva, E.G. (2014). Assotsiativnye svojstva blizkih po znacheniju slov kak otrazhenie sistemnosti leksikona. *Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod*, 14, 216–219.
- Fomina, Yu.A. (2007). Aspekty izuchenija jazykovoj otseki. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 20, 154–161.
- Shaposhnikova, I.V. (2022). Assotsiativnaja grammatika i smysl (na primere imeni sushchestvitel'nogo). *Sibirskij filologicheskiy zhurnal*, 1, 268–284.
- Naumann, D., Frassinelli, D., Schulte im Walde, S. (2018). Quantitative semantic variation in the contexts of concrete and abstract words. *Proceedings of the Seventh Joint Conference on Lexical and Computational Semantics* (pp. 76–85). DOI: 10.18653/v1/S18-2008
- Publvermuller, F. (2013). How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and abstractsymbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*, 17, 458–470. DOI: 10.1016/j.tics.2013.06.004

Сведения об авторе

Старостина Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов, sev79@list.ru

About the author

Starostina Evgenia Vladimirovna – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia, Saratov, sev79@list.ru